

ВСТРЕЧИ руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства стали не только традицией, они стали вехами в развитии культуры и искусства нашей страны. Следуя ленинским заветам, партия направляет искусство по пути реализма, служения великому делу коммунизма. Страстное утверждение самых передовых идей века лежит сегодня в основе требований к произведениям искусства. Каждый из нас, работая сегодня, мысленно возвращается к тем проблемам, которые были подняты на встрече. Одной из них является проблема традиций и новаторства. Это проблема диалектическая. Каждая эпоха понимает ее по-своему. Каждое из этих понятий, взятое отдельно, в разные времена означало разное. Наше время поставило перед советскими художниками задачу вернуть народу правду, скрытую от него в годы культа личности, раскрыть духовную красоту нашей борьбы за коммунизм, красоту наших идей. Навязанные административной эстетикой периода культа личности парадность, помпезность, лакировка, черный список запрещенных проблем и многое другое сковывали, а порой и уродовали творчество. В этот период великое прошлое искусства было объявлено, по существу, музейным. Его можно было только реставрировать. Это архивное отношение к классике привело к тому, что были разорваны связи между классическими произведениями и современностью, и классика на сцене театра стала умирать. Конечно, и в этот период были созданы прекрасные спектакли, но скорее вопреки, а не благодаря эстетике тех лет. Новаторство вообще было несколько опасным занятием в те времена, ибо все существующее было объявлено совершенным, и попытка что-то изменить рассматривалась как недовольство тем, что было утверждено в качестве нормы, эталона прекрасного.

Творческая свобода, которую получили советские художники после XX съезда КПСС, уже сейчас дала великолепные результаты в литературе и кино, в музыке, живописи и театре. Но было бы преждевременным предаваться настроениям благополучия. Еще много в нашем искусстве мелкого, серого, крикливо-уродливого, заимствованного зачастую из буржуазной идеологии. Многие вопросы еще ждут своего решения. И один из них — это проблема традиций и новаторства.

Нам ясно, что жизнь без классической литературы, музыки, живописи, архитектуры и скульптуры — бедная жизнь. Нам ясно, что без высоких и благородных традиций культуры и искусства прошлого мы не можем строить и развивать новое, советское искусство. Мы не «Иваны, не помнящие родства» и знаем, что невозможно и шага вперед сделать, сойдя с твердой почвы сделанного в искусстве до нас.

Однако бездумное следование традиций таит в себе опасность подражания, преклонения, коленизма. Хранить традиции — значит развивать их. Только в этом случае мы сделаем классику всегда живой и нужной, только при таком понимании традиций, знания прошлого смогут нам идти вперед, дальше. А

идти вперед надо, иначе новое время, новые люди обгонят нас.

Новое... Новаторское... Какие прекрасные слова! Представляю себе смелого талантливого человека, долго и терпеливо ищущего и создающего для людей красивые удобные дома, умные и точные механизмы, разнообразные материалы. Новатор в искусстве... Чехов говорил, что сказать про себя «я писатель» так же неудобно, как сказать про себя «я красавец». Мне кажется, что в нашем деле также неудобно сказать про себя «я новатор».

Подлинное новаторство заключе-

традиционным формам также неразумно. Можно потерять связь прошлого с настоящим. Думаю, что мы иногда путаем уважение к классике с уважением к его комментатору. Надо уважать классика. Но не меньше надо уважать современного зрителя. Не следует также путать уважение и даже преклонение перед классикой с идолопоклонством. История знает примеры, когда творчество того или иного художника получало признание через много лет после его смерти. (Это было при иных отношениях художника и народа).

ставлен смело, оригинально, ни в том, ни в другом случае не меняют дела. Спектакль плох, если зрители его не хотят смотреть.

Театр должен удивлять убеждать. Самое дорогое в театре — подлинная правда. Все подлинно талантливое всегда удивительно, правдиво. И самая большая смелость, самое высокое мужество заключаются в умении говорить правду. Единодушие в оценке того или иного произведения театра отнюдь не обязательно. Споры и дискуссия вокруг спектакля — полезная вещь. Полезная, когда театр и зритель находятся на одних и тех же позициях. Театрам, культивирующим со своих подмостков самые низменные чувства человека, театрам, ненавидящим и уродующим людей, с советским зрителем говорить трудно: он просто отвергнет такой театр. С таким искусством надо не спорить, а бороться.

Традиции и новаторство... Вечно живая проблема. Советский художник, если он живет интересами своего народа и талантлив, всегда будет жить беспокойно, всегда будет мучительно искать новое в своей жизни и в своем деле — такая наша прекраснотрудная судьба. Я повторяю: искать новое не для того, чтобы удивить, не для того, чтобы обратить на себя внимание, а для того, чтобы искусство сильнее, ярче, тоньше воздействовало на людей, чтобы искусство помогало людям строить новую жизнь, идти в коммунизм, — вот цель советского художника. Уважение к традициям отнюдь не мешает советскому художнику быть современным. Но заблуждается и тот, кто понимает традиции, как приверженность к старине. Он непременно потянет искусство назад.

Лженоватор нескромно пытается все внимание обратить на себя. Охранитель старины скромно уходит в тень: честь классика ему дороже всего. Но оба они — и «новатор», и «традиционалист» — равнодушны к тем, ради которых жил и творил классик, ради которых мы создаем стихи, песни, спектакли и кинофильмы.

Перед нами дорога, по ней еще никто не ступал. Не легко и не просто идти вперед. Легко соскочить на обочину. Но мы идем не одни. Нас ведет партия. Вместе с ней идут ученые и рабочие, философы и трактористы, поэты и студенты... А когда идешь вместе с народом и партией, не собьешься с пути. И нет у нас дороги ни назад, ни в сторону. Дорога у нас одна: в новый мир, в новый, коммунистический мир.

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР.
ЛЕНИНГРАД.

Творить для народа,
во имя коммунизма

ВЕЧНО ЖИВАЯ ПРОБЛЕМА

но в глубоком знании жизни, ее явлений и тенденций, в знании того нового, что в ней рождается, в умении воплотить новое содержание жизни в новой форме.

Такое новаторство всегда удивительно, оно убеждает. Просто удивить не так уж трудно. Чтобы удивить, не нужно тратить жар души. Холодный расчет, трезвый рассудок не могут заменить гражданские и творческие чувства. Когда художник во что бы то ни стало стремится сделать не так, как было, и занимается, по существу, не творчеством, а «вопрекизмом», созданное им произведение — не новаторское, а псевдонаторское. Выдумывание нового ради желания удивить собой, а не ради желания порадовать людей, помочь им в чем-то важном и существенном чаще всего приводит к нарушению логики и здравого смысла. Яркие краски мнимонаторского искусства быстро тускнеют, отваливаются от полотна. Придуманное, не согретое человечностью и творческой убежденностью искусство обречено на смерть и забвение, каким бы смелым и оригинальным оно ни казалось с виду. Подлинный художник отличается от псевдонатора с одной стороны и формального бюстителя традиции с другой тем, что он умеет видеть жизнь, людей, события непосредственно. Может быть, несколько не научно я называю это первозданностью восприятия.

Одна из сложных проблем — современное прочтение классики. Очень трудно воспринимать классическое произведение непосредственно. Критические статьи и исследования, комментарии и примечания заслоняют от нас великое произведение литературы и искусства, навязывая нам представление о нем вековой давности.

Постановка классической пьесы в театре осложнена традициями ее игры в прошедшие времена. Пренебречь ими — опасная глупость. Зачем изобретать давно изобретенное? К чему отказываться от ценного опыта бесстрашных мастеров старого театра? Но слепо следовать

Наш театр не может себя тешить надеждой быть оцененным когда-то. Мы работаем на будущее, но имеем дело с сегодняшним зрителем. И рассчитывать, что он поймет нас завтра, мы не имеем возможности. Завтра зритель может к нам не прийти. А если он и придет, то увидит другой спектакль. Если спектакль театра не понятен зрителям сегодня, его надо снять с репертуара, ибо он — ошибка.

Работая в театре много лет, я припоминаю время, когда, желая быть понятным зрителям, театр предлагал им примитивные, простенькие темы. Зрителям все было понятно, но они перестали ходить в театр. Им, надо думать, было неприятно чувствовать себя малолетними несмышлениками, которых со сцены учат и поучают, которым вдалбливают и разжевывают давно понятные вещи. Опыт меня убеждает, что с нашими зрителями можно и нужно говорить о самых сложных и серьезных вещах, без скидок, не ссылаясь и не заигрывая. Зрители отлично понимают природную условность театрального искусства и отнюдь не предпочитают условность натуралистического театра условности реалистической.

НОВАТОРСТВО в театре — это вечные поиски наиболее выразительных и одновременно понятных соединений, сочетаний формы и содержания спектакля. Погоня за оригинальностью, новизной ради новизны раздражает зрителей или в лучшем случае оставляет их равнодушными. Похвала двух-трех знатоков никогда не заменит артисту полного зрительного зала. Мы можем ошибиться. То, что иногда нам кажется новым и интересным, зрители порой принимают как дань моде, как ребус, как перелес прошлого. И это, как правило, происходит, когда мы теряем связь со зрителями, перестаем их понимать. Немало мы произносим упреков в адрес зрителей. «Мы поставили интересный спектакль, а публика не ходит». Сомнительно это. Не такой, значит, хороший этот спектакль. Часто еще говорят: зрители не любят классику. Неправда! Зрители не любят плохих, скучно, неинтересно поставленных пьес классиков. Ссылки на то, что спектакль поставлен в традициях Малого или Художественного театра или спектакль по-